

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

РОМОДАНОВСКИЙ ШЛЯХ НАЧАЛО

ДАНИИЛ КАЛИНИН
СЕРГЕЙ ВОРОНИН

Военная боевая фантастика

Даниил Калинин

Ромодановский шлях. Начало

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калинин Д. С.

Ромодановский шлях. Начало / Д. С. Калинин — «Издательство АСТ», 2026 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-181788-6

1659 год... Пять лет идет война за Малороссию. Московские рати нанесли полякам множество поражений и освободили древнерусские земли, захваченные ляхами. Но после Хмельницкого гетманом стал Выговский, грезящий собственным «Русским княжеством». На изменника поворачивает царская рать, но Выговский присягнул не только полякам, но и крымскому хану... И когда князь Трубецкой встретил изменника у Конотопа, враг привел с собой всю крымскую орду! В сече под Конотопом приняли свой первый бой рейтар Семён Орлов и сын боярский Пётр Бурмистров. Сеча под Конотопом разделила их жизнь на «до» и «после»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-181788-6

© Калинин Д. С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Даниил Калинин, Сергей Воронин

Ромодановский шлях

Начало

© Даниил Калинин, 2026

© Сергей Воронин, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

***

Глава 1

28 июня 1659 года, окрестности города Конотоп

– Карабины готовь!

Семён кое-как отцепил собственное оружие от перевязи. С началом вражеской атаки время для него словно бы замедлилось, да и самому рейтару казалось, что он видит разгорающую битву будто со стороны, и что все происходит как бы и не с ним... Однако крик капрала, вторящего вслед за капитаном, привел рейтара в чувство, но одновременно с тем его охватил и ужас. Смертный ужас, а вовсе не какой-то рядовой страх! Руки онемели, пальцы дрожали и не слушались, и потому отцепить карабин от перевязи легким, привычным движением рейтар не смог. А сдвинуть лялунку на грудь Орлов так и вовсе забыл!

– Целься...

Затяжной крик Гаврилова пронесся по всей цепочке рейтаров, повторяемый множеством капралов и офицеров. Поспешно взведя курок, Семён как можно плотнее вдавил приклад карабина в плечо, направив дуло в сторону врага. Целился он по стволу и небольшому выступу-мушке, взяв чуть ниже груди стремительно приближающихся татарских лошадей. При выстреле ствол карабина обязательно задерет, и круглая пуля должна устремиться именно во вражеских всадников. Скачущих столь плотно, что нет никаких сомнений, пуля попадет в цель! Главное – правильно выбрать высоту прицела.

– Пали!

Семён послушно потянул спусковой крючок, стараясь сделать это простое действие без всякого рывка.

И отчаянно надеясь, что его выстрел не пропадет даром!

Утром того же дня

Рейтар четвертой роты Семён Орлов с присущей ему крестьянской старательностью и усердием правил тяжелый и крепко ржавый палаш. Семён неспешно работал точильным камнем, с видимым удовольствием возвращая грозную красоту лишь слегка изогнутому у рукояти клинку, заточенному с двух сторон. Непривычная для казаков и детей боярских форма оружия и стала причиной долгожданной покупки. Черкас из отряда Ивана Беспалого не стал ломить цену за давний трофей, взятый с мертвого ляха уже больше года тому назад. Возил в обозе про запас, а тут-то Семён и подвернулся...

Рейтар ненадолго прервался, взвесив в правой руке клинок, поднял его над головой, подставив солнечным лучам, после чего сделал им пару пробных взмахов. Хорош! Тяжелый, но под руку молодого, крепкого парня, привычного к тяжелому труду на земле, – ведь самое оно. Пусть даже и гарда открыта, не защищает кисти... Все равно ведь не обучен Семён искусству боя на саблях – это детей боярских и дворян сызмальства учат правильно рубить ими, парировать, ставить блоки. Ну а заодно и всяким хитростям – как подцепить, к примеру, ногу противника обратной стороной елмани, возвращая саблю после неудачного рубящего удара. Или как легонько ударить по самой кисти, обезоруживая противника.

Семён же пока мог лишь издали наблюдать за тем, как упражняются на саблях старые рейтары полка или новики, поверстанные из беспоместных детей боярских. Но ведь и те, и другие смотрели на вчерашних черносошных крестьян с изрядным презрением – и разговаривали с ними через губу, словно с какими холопами.

Будто сами крестьяне, поверстанные в рейтарский полк барона Анца Георга Фанстробеля, рвались в солдаты! Для даточных людей воинская служба ведь пожизненна...

А все потому, что затянулась война, – ой как затянулась война, вроде и счастливо начавшаяся для русского войска в Малороссии! Но вот уже долгие пять лет здесь щедро льется русская кровь... Как, впрочем, и польская, и литовская, и казачья.

С черкасами вообще все непросто. Вроде и единоверцы, и братья по крови... А при царе Иоанне Грозном первый атаман запорожских казаков Байда (князь Дмитрий Вишневецкий) так и вовсе перешел на службу к московскому государю со всей Сечью! И честно воевал против турок да татар. Но после казни Байды в Стамбуле ляхи сумели разделить черкасов, казаков натравили на московские владения, и те сожгли Стародуб. Тут-то и началось... Ляхи всеми силами притесняли черкасов в мирное время – ввели церковную унию, приняли крошечный реестр, стараясь прочих казаков обратить в холопы, запрещали им ходить на турок да татар. Но если вдруг какая война с Москвой или с турками – и тут же ляхи с казаками заигрывают, казакам обещают, казакам что-то жалуют... Кончилась война – и все обещания забываются, а малороссов притесняют с новой силой.

Не один и не два раза последние поднимали восстания, что ляхи неизменно подавляли силой оружия либо хитростью да предательством, выманивая казацких вожаков на переговоры, а уж там... В пытках да различных казнях ляхи большие умельцы! Но очередное восстание ни силой оружия, ни предательством подавить не удалось – поднял его славный гетман Богдан Хмельницкий, много раз громивший ляхов в честном бою! Правда, пока побеждал, гетман и не думал идти под руку московского царя, а вот когда припекло...

Впрочем, много ли о том знал сам Семён Орлов, бывший крестьянин рязанский да новоиспеченный рейтар? О притеснениях малороссов слышать ему доводилось, но ведь те черкасы, кому совсем не вмоготу приходилось, могли же уйти на Слобожанщину! Да, московские государи выделяли им земли за пределами Белгородской засечной черты – зато не закрепощали, и вообще не облагали никакими налогами. Более того, казакам разрешалось винокурение, им сохранялось самоуправление, да и оружие никто не отнимал! Наоборот, помогали черкасам, в том числе отстроить новые крепости вроде Харькова, Сумы, Суджи, Ахтырки... А что черкасы на Слобожанщине первыми встречали набег крымских да ногайских татар? Так они хотя бы опирались на Белгородскую линию и могли получить помощь русских гарнизонов. В Малороссии же казакам ляхи вообще не помогали – разве что татары налетали на самих панов...

Зато на Рязанской земле, откуда родом Семён, черкасов хорошо помнят по зверствам лисовчиков, не оставлявших в живых ни млада, ни старика! Да по разорению рязанщины казаками гетмана Сагайдачного, шедшего на Москву от порубежного Ельца.

К слову сказать, отец Семёна как-то упоминал, что в Ельце могла жить их дальняя родня. Но уж очень дальняя – предки, то ли мещерские, то ли рязанские казаки, у них были общие. А вот дальше пути разошлись – кто-то ушел казаковать на вольный Дон, другие выбились в детей боярских. Ну а третьих, оставшихся на родной земле, объявили крестьянами, пусть и черносошными, то есть лично свободными и со своей землей. Однако личная свобода предполагает и повинности, вроде даточной.

Служба в государевом войске – она ведь пожизненная! Да и потом – ну, сколько жизни отмерено простому мужику, коли брань с ляхами длится вот уже пятый год? Ведь не от хорошей же жизни вчерашних крестьян верстают в солдаты, включая и славные рейтарские полки! Значит, или потери даже среди хорошо защищенных прочным доспехом конных рейтар столь велики, что их невозможно закрыть за счет дворян и детей боярских... Или же столь тяжела эта война, что число рейтарских полков пришлось очень спешно увеличивать.

А что самое поганое – двоякость черкасов, изменчивость их природы в полной мере проявили себя в новой войне с панами. Ведь когда государь Алексей Михайлович внял мольбам Хмельницкого и взял Малую Русь под свою руку, царю присягнули «всей землей!» Но стоило умереть славному гетману, как тотчас случился среди казаков раскол. Гетманскую булаву хитростью перехватил Иван Выговский, некогда и сам сражавшийся на стороне ляхов против

черкасов. И если правобережные казацкие полковники нового гетмана приняли, то в Полтаве против него поднялись запорожцы и местные казаки. Гетман подавил восстание с помощью крымских татар, оплатив помощь поганых живым товаром: людоловы-крымчаки увели тысячи детей и женщин за Перекоп, разграбив все на своем пути...

После Выговский изменил царю в открытую, переметнувшись на сторону ляхов, да еще и присягнул крымскому хану для верности! И уже с помощью извечных ворогов Московского царства ударил по русским гарнизонам, осадил Киев. Злая насмешка – новоиспеченный гетман все же пытался как-то укрепить позиции казаков и малороссов в Речи Посполитой. И помимо королевства Польского и княжества Литовского, он предложил выделить в составе Республики также Великое княжество Русское, заодно назначив себя Великим князем... Но ляхи вновь обвели наивного казака вокруг пальца: король Ян Казимир договор подписал, да польский сейм его не утвердил!

Впрочем, Семён Орлов про коварство ляхов, обманувших гетмана, ничего не знал. Его ведь и поверстали-то в рейтары сравнительно недавно, всего с полгода тому назад... Вместо прочной вороненой кирасы крестьянину выдали трофейный литовский пансырь-кольчугу, вместо шлема-шишака – легкую мисюрку. Хоть небольшого и не очень резвого мерина Огонька (потому как рыжего отлива его шерстка) честно выделили Семёну! Но всей ратной сбруи – лишь единственный карабин с кремнёвым замком. Ни пары обязательных для рейтара пистолей, ни, что самое обидное, клинка.

Пистолы-то ладно. Московским рейтарам редко приходится встречаться в бою с неподвижными пикинерами, все чаще с легкой татарской или литовской конницей. А ордынцы как налетят, так тучей стрел издали засыпят – из пистоля же наверняка попадешь в ворога только с нескольких шагов. Вот карабин – другое дело, из кавалерийского карабина степняка можно достать прежде, чем тот стрелу на тетиву наложит!

Одно плохо – карабин однозарядный. И пусть замок у него и кремнёвый, куда более удобный и простой, чем колесцовый или фитильный, но одним карабином ведь много не навоюешь... Другое дело – добрый клинок!

Семён не шибко-то и рвался в солдаты. Но молодой мужичок, не успевший обзавестись собственной семьей, подходил на роль рейтара лучше прочих. Благо, что о престарелых родителях есть кому позаботиться – старшие братья хоть и поставили собственные избы, но живут с отцом и матерью в одном селе. У Ивана так и вовсе собственный сынок зимой родился. Да и Семён ведь предпочел бы прожить тихую и мирную жизнь на родной земле, жениться на милой его сердцу любушке-Настёне, дать жизнь паре сынов да дочкам...

Но сложилось, как сложилось. Орлов не роптал на свою участь, не гневил Бога зряшными обидами – и вместо того, чтобы сокрушаться о злой судьбинушке, старался радоваться пусть даже небольшим мелочам. Старался увидеть хоть что-то хорошее в солдатской жизни! Так вот, с детства обожавший былины о богатырях (особливо же о земляке Илье Муромце), Семён испытал истинно мальчишеский восторг при виде доставшейся ему кольчуги. А теперь вот сподобился купить и палаш, больно смахивающий на настоящий меч.

Рейтарские роты ведь до войны собирали из детей боярских да дворян, а у последних худо-бедно сабелька всегда при себе имелась. Вот и повелели рейтарам брать с собой родовые клинки. Потому-то большинство солдат полка и шеголяют кривыми степняцкими сабельками. Но что та легкая сабелька супротив палаша?! Он весит куда больше – и при случае провалит блок легкого татарского клинка! А кроме того, им вполне можно и колоть прямым выпадом.

Даже нужно!

Семён вновь прервал свою работу и, пружинисто встав с телеги, пару раз от души рубанул по воздуху, пытаясь примериться к оружию, привыкнуть к его весу. Конечно, стоило бы поучиться владеть «мечом», да одна беда: гонявший крестьянское пополнение до седьмого пота полковник Фанстробель напирал на обучение искусству верховой езды да владению кара-

бином. Рейтар ведь не просто должен уметь верхом ездить – это черносошенный крестьянин Семён Орлов умел сызмальства (что, кстати, стало одной из причин становления его именно рейтаром). Нет, «черные всадники» должны уметь также держать равнение в конном строю как на марше, так и в атаке или в отступлении, при повороте или во время караколи. Должны уметь соблюдать дистанцию и в точности выполнять в бою все приказы. В том числе и те, что играет трубач. Это не говоря уже о владении карабином, изготовить который к бою (а уж тем более прицелиться из него и попасть!) есть отдельная наука.

Да, полковник без устали гонял новиков – но вот владение клинком, по мнению барона, в число обязательных навыков рейтаров не входило. А все потому, что дети боярские сызмальства владели саблями, а крестьяне их и вовсе не получили! Но Семён... Для Орлова именно меч был символом настоящего воина, и он купил клинок у черкаса с первого же жалованья. Пусть казак наверняка задрал цену, да и оружие досталось Семёну не в лучшем качестве. Но поправить палаш, убрать ржавчину, хорошенько наточить... И будет у Семёна настоящий меч на зависть дерущим нос детям боярским! А рубиться его научит тот самый казак, продавший ему палаш. Никола Ёрш – потому как ершистый, задиристый... Не откажет черкас – за оставшиеся от жалованья монеты точно не откажет!

Довольный собственной смекалкой Семён вновь начал орудовать точильным камнем, даже не смотря по сторонам. Да и что смотреть? Летний пейзаж давно знакомый, и за последние седмицы червения ничего не изменилось. Вон виднеются впереди валы Конотопа – малороссийской крепости, занятой казаками полковника Гуленицкого, преданного лично Выговскому. А вокруг самого рейтара – лагерь войска, вернее, «полка» князя Трубецкого. Но, конечно, не такого полка, каким командует барон Фанстробель, – лучше уж сказать, что целое войско! Как в старину, когда множество боярских да княжеских дружин составляли Большой полк или полк правой аль левой руки... Ну, как на Куликовом поле.

Всего же вокруг Конотопа возведено три больших осадных лагеря – князей Трубецкого, Куракина да Ромодановского. Царь Алексей Михайлович отправил на изменника Выговского большую рать – вот только нет у старшего его воеводы, князя Трубецкого, больших осадных пушек. А без них крепости не взять... Князь было бросил стрельцов да казаков на первый штурм – но ничего не добился, зазря только людей потерял. Впрочем, Алексей Никитич напрасно жертвовать солдатами не спешит, и после первой неудачи воевода начал правильную осаду, закрыв осадными лагерями все дороги, ведущие в Конотоп. Да промеж лагерей пустил конные разъезды, чтобы гонцов мятежных черкасов успевали перехватить. Заодно князь успел осадить и захватить несколько крепостиц поменьше Конотопа. К одной из них, Борзне, ходили даже рейтары Фанстробеля! Но рейтары князю Ромодановскому, быстро и с малыми потерями взявшему казачий острог, при штурме так и не потребовались...

Вот и выходит, что служит Семён уже больше полугода – а в настоящем деле покуда не был. Но солдат он старательный, неглупый, по-крестьянски трудолюбивый, да и сметливый от природы, чего уж там... У капрала Гаврилова на хорошем счету, опять же. На земле горбатиться не приходится, пропитание за казенный кошт! Да и жалованье вроде немалое, хотя и задерживают. Не столь уж и плоха жизнь солдата!

Заигравший вдруг сигнал тревоги заставил Семёна подскочить на месте и тревожно осмотреться – неужто черкасы Гуленицкого окончательно потеряли голову от безнадеги да голода и пошли на прорыв из Конотопа?! Да нет вроде, ворота крепости закрыты...

– Облачайся в броню, Орлов! Татары крымские на дозоры напали, сам Выговский к Конотопу идет!

Семён с недоверием воззрился вслед Микитке Иванову – пронырливому, вездесущему и всезнающему рейтару, поверстанному в солдаты из одного с ним села. Но вслух ничего не сказал, а принялся хоть и спешно, но без лишней суеты облачаться в броню, лежащую тут же, на обозной телеге...

Глава 2

Облачившись в броню, Семён принялся спешно заряжать карабин – в бою ведь когда доведется? Впрочем, в кожаной лядунке цельных четырнадцать пороховых зарядов... Но зарядить карабин – дело небыстрое, очень важно правильно подготовить замок. Семён придирчиво осмотрел курок с зажатым в нем камнем-кремнем, открыл полку, насыпал на нее немного пороха у самого затравочного отверстия, закрыл полку. Теперь засыпать в ствол пороха из футляра-зарядца, утрамбовать его шомполом, забить в ствол пулю и снова забить ее шомполом к пороху. Ну а затем черед пыжа, тугого валика из войлока, что также требуется забить шомполом, причем крепко-накрепко забить в ствол! Так, чтобы ни пуля, ни порох не вывалились во время конного марша из карабина, пристегнутого к перевязи и носимого за спиной.

Все. Осталось взвести курок, оттянув его до упора назад, и тогда при нажатии спускового крючка камень-кресало ударит по пластинке-огниву (составляющему единое целое с пороховой полкой), высекая искру. Та запалит порох на полке, а следом, через затравочное отверстие, и забитый в ствол заряд. Сложно? Сложновато, конечно, но Семён видел у старых рейтаров пистолы с колесцовыми замками – и остался весьма доволен своим оружием. Ибо если потерять ключ к колесцовому замку пистоля, последний уже не взвести. Это не говоря уже о том, что некоторые драгуны (стрельцы, разъезжающие на лошадях) по-прежнему вооружены устаревшими фитильными пищалями!

Впрочем, самое главное – пока Семён выполнял ставшие уже привычными ему действия по зарядке карабина, он успел немного успокоиться, прийти в себя. Шутка ли – враг большой силой идет на битву! Вон, Микитка говорит, что Выговский объявился вместе с крымскими татарами... Нет, когда царская рать шла войной на мятежного гетмана, Орлов внутренне готовился к сече. Но за время продолжительной осады Конотопа новоиспеченный рейтар уже успел крепко привыкнуть к размеренной, едва ли не «мирной» осаде града. И вот теперь уже сам гетман идет на русскую рать с крымчаками и ляхами!

А значит, сечи не избежать...

К слову сказать, ожидания Семёна оправдались в полной мере. Раздражающая недавнего крестьянина суета (Орлов-то с молодых ногтей привык к основательности, неспешности и размеренности труда землепашца) охватила весь лагерь князя Трубецкого. Понукающие возгласы младших и старших командиров, собирающих солдат, какофония сигнальных труб, отыгрывающих команды для каждого шквадрона (а то и роты!), вопли самих служивых, отчаянно зовущих товарищей и соратников... Орлов почувствовал даже гордость за свой полк – не зря барон Фанстробель гонял своих рейтаров до седьмого пота, особенно же пополнение! Его шквადроны покинули расположение лагеря первыми, поротно строясь за оборонительным кольцом гуляй-города. Таким образом, они опередили как драгунские приказы, так и рейтарский полк Венедикта Андреевича Змеева – между прочим, отличившийся в бою со свями под Гдовом!

Чем рейтары, служащие под началом Змеева, особенно гордились. Как, впрочем, и тем, что в их полку не было новобранцев из числа даточных людей. Но поди же – утерли «сивопалые» нос детям боярским да дворянам! Как и рейтарам немца Вилима Джонстона, выведшего своих солдат последними.

Н-да, утерли нос – что немного подняло общий настрой Орлова... Да и в чистом поле ведь дышится вольнее! Вот только не оставляет Семёна неприятное, сосущее изнутри чувство, подрывающее его уверенность и боевой дух. Вроде все и так – подняли по тревоге все три лагеря, и каждый покидает уже стройные ряды русских всадников, строящихся отдельными полками. Великая сила, многие сотни – да что там сотни, тысячи всадников! Да все одно же есть ощущение какой-то неправильности, что ли... Впрочем, разве ему, неграмотному крестьянину,

думать сейчас о решениях воевод-князей в грядущей сече? Ему ведь просто не хочется в бой, потому как страшно...

Но вот уже и заиграла ротная труба, отдавая команду «вперед». Да не только в роте Орлова, а во всех рейтарских шквадронах; полк Фанстробеля дружно и по команде потянулся вперед, а за ним стронулись с места полки Змеева и Джонстона, драгуны же остались подле лагеря. Оно и правильно – «конная пехота» в кавалерийском строю сражаться не умеет, драгуны перед боем должны спешиться... А князь Трубецкой, по всей видимости, решил отбросить подошедших татар сильным ударом своей кавалерии. Потому и бросает в бой именно рейтаров, привычных драться с крымчаками.

Впрочем, не только рейтаров – так, от лагеря князя Ромодановского отделился также копейный шквадрон. Всадники последнего, облаченные в рейтарскую броню, вооружены не карабинами, а длинными копьями и парой пистолей. Ну и саблями для ближнего боя. Шквадрон насчитывает свыше двухсот всадников – и с началом сечи выходит вперед рейтаров, беря короткий разгон для тарана единой линией.

Также от полка князя Ромодановского к полкам Фанстробеля и Змеева присоединились рейтары полковника Фангалена, а затем «черных всадников» догнали конные ратники из лагеря князя Куракина. Дети боярские да служивые касимовские татары, что двинулись сразу в голову колонны всадников, а также большой отряд запорожских казаков наказного гетмана Беспалого. Почитай – все конные черкасы! Последние, правда, сильны как раз в пешем строю, но и всадники их в сече точно не будут лишними.

Выходит, большая часть всей русской конницы двинулась навстречу татарам!

Видя столь сильное войско, Семён невольно приободрился, а следующий подле него Микитка довольно осклабился:

– Все, конец пану гетману! Татар отгоним, а там и с конными хоругвями ляхов сойдемся! Наши конные копейчики гусарам их не уступят, а сила-то явно на нашей стороне. Сколько битые черкасами, царскими полками да свеями паны могли дать ратников предателю? По всему видать, что немного... А уж про казаков и говорить нечего. Выговский их силой собрал, угрозами, что семьи казачьи извечным врагам, татарам крымским в полон отдаст. А как мы поганых да ляхов погоним, так черкасы правобережные сами перейдут на нашу сторону.

Семён, не спеша перебивать товарища, выслушал до конца, лишь покачав головой.

– Твои слова да Богу услышать... А где, говоришь, на дозоры наши татарва напоролась? Иванов легонько пожал плечами.

– Говорят, что у Сосновки, сразу за рекой. Деревня у брода, помнишь?

– Помню...

На цельную версту (а то и поболее!) вытянулась огромная колонна конных ратников русского царя; в полном порядке миновала она брод у Сосновки – а там уже показались и крымчаки. Касимовские служивые татары, следующие в голове колонны, начали с ними перестреливаться, и те и другие ведь конные лучники, одна манера боя, да и кровь одна. Корень так уж точно... Но касимовские татары давно уже приняли руку русских царей и мало-помалу обжились в их владениях – а что прежнее родство? Так давно уже разошлись пути давних родичей...

Впрочем, перестрелка лучников лишь скрыла приближение к крымчакам рейтаров полковника Фангалена. И по сигналу командующего русской конницей князя Семёна Пожарского (двоюродного племянника Дмитрия Михайловича, героя Смуты) касимовские татары подались в стороны. А приблизившиеся к врагу рейтары дали густой слитный залп из карабинов! Сотни крымчаков лишились живота в один миг, густое облако порохового дыма скрыло от глаз врага стремительный рывок копейного шквадрона. Всадники последнего бросили в тяжелый галоп лучших, самых мощных и быстрых в стремительном разгоне коней, и протаранили не успевших бежать поганых, сминая и стаптывая всех, кто окажется на их пути.

Следом за шкwadроном устремились в атаку и дети боярские, и казаки, и вся масса железных рейтарских полков. Драгуны из числа немецких наемников Выговского, не успев дать ни единого залпа, развернули лошадей вслед за крымскими татарами, надеясь сохранить свои жизни... Да и крымчаки, опрокинутые стремительным натиском русских копейщиков, бросились стремглав бежать, надеясь спастись!

И князь Пожарский погнал их, погнал, не позволяя прийти в себя и опомниться, оторваться от преследования. Погнал в сторону Пустой Торговщицы, через гать и болото, где большая часть русской конницы вынужденно замедлилась. Да и колонна ее заметно сузилась во время преследования.

Но ведь не отстают сотни служивых детей боярских от извечных своих врагов, крымских степняков! Мертвой хваткой вцепились они в хвост татарской рати, словно ловчие псы, загоняющие волчью стаю. Без устали рубя оторвавшихся, замедлившихся всадников да расстреливая татар в спину из собственных луков и пистолей.

Семён же Орлов, чей полк так и не успел вступить в бой, беспокоился лишь за Огонька, вынужденного нести всадника в какой-никакой броне, да еще и участвовать в преследовании. Крепкий и нестарый еще меринок явно степных пород, его верный конь все же порядком устал – и Семён буквально почувствовал, что верный друг вскоре захрипит, начнет жевать удила с пеной на губах. А там ведь и недолго скакуну пасть. И где тогда искать замену? Тем более что с Огоньком как-то сошлись же, сроднились...

Татары в конце концов сумели оторваться, выбравшись на открытую местность. Впрочем, оторвались они лишь для того, чтобы собраться воедино, дав короткий отдых лошадям на довольно обширном поле, окруженном, впрочем, лесом с трех сторон и заболоченной местностью с четвертой. Дети боярские да казаки запорожские тотчас устремились на крымчаков, запертых в ловушке! А Семён Орлов, чей полк только-только покинул гать, неотрывно следуя за рейтарами Фангалена, вдруг подумал, что последняя, словно узкое горлышко какого кувшина, ведет в открывшуюся его глазам долину. Неприятно кольнула его эта мысль, но тотчас запела ротная труба, подавая команду выровнять ряды. Что рейтары полковника Фанстробеля и принялись спешно выполнять, смещаясь на левое крыло русской кавалерии.

...Татары показались из леса внезапно. До поры они прятались на его опушке, где деревья растут не столь густо; возможно, поганые даже ухитрились очистить ее от подлеска. Да ведь и в тени деревьев многочисленных всадников поначалу было не разглядеть... Но вдруг загремели барабаны, и огромная масса конницы нежданно рванула навстречу русским всадникам! Причем не пытаясь вступить в перестрелку, по степняцкому обычаю (хотя на сближение крымчаки, конечно, стреляли), но прежде всего давя массой всадников, во много раз превосходящей числом русские полки.

Дети боярские и запорожцы Беспалого мгновенно оказались связаны боем, не успели толком встретить врага рейтары Фангалена и Джонстона. Командиры их просто растерялись – и вместо слитного, убийственного в упор залпа карабинов и пистолей татар встретили лишь хаотичные, не очень частые выстрелы. Однако же не растерялся полковник Фанстробель: заиграла полковая труба и, вторя ее сигналу, подали команду развернуться фронтом к врагу и прочие ротные трубачи. Так получилось, что полк Фанстробеля встретил не главные силы хана Мехмед-Гирея, а встал на пути конницы Карач-бея, заходящей с левого крыла...

– Карабины готовы!

Семён кое-как отцепил собственное оружие от перевязи. С началом вражеской атаки время для него словно бы замедлилось, да и самому рейтару казалось, что он видит разгорающуюся битву будто со стороны и что все происходит как бы и не с ним... Однако крик капрала, вторящего вслед за капитаном, привел рейтара в чувство, но одновременно с тем его охватил и ужас. Смертный ужас, а вовсе не какой-то рядовой страх! Руки онемели, пальцы дрожали и

не слушались, и потому отцепить карабин от перевязи легким, привычным движением рейтар не смог. А сдвинуть лядунку на грудь Орлов так и вовсе забыл!

– Целься...

Затяжной крик Гаврилова пронесся по всей цепочке рейтаров, повторяемый множеством капралов и офицеров. Поспешно взведя курок, Семён как можно плотнее вдавил приклад карабина в плечо, направив дуло в сторону врага. Целился он по стволу и небольшому выступу-мушке, взяв чуть ниже груди стремительно приближающихся татарских лошадей. При выстреле ствол карабина обязательно задерет, и круглая пуля должна устремиться именно во вражеских всадников. Скачущих столь плотно, что нет никаких сомнений, пуля попадет в цель! Главное – правильно выбрать высоту прицела.

– Пали!

Семён послушно потянул спусковой крючок, стараясь сделать это простое действие без всякого рывка.

И отчаянно надеясь, что его выстрел не пропадет даром!

Впрочем, результат его рейтар все равно не мог видеть – Орлов зажмурился, как только курок пошел вниз, высекая искру... Ведь иначе вспышка пороха на полке могла его ослепить, а то и вовсе обожгла бы правый глаз.

Но как же громко грянул выстрел родного карабина! Слившийся в единый оглушительный залп рейтаров Фанстробеля...

Отдача толкнула карабин в плечо вроде бы и не столь сильно, и тут же Семён рванул шомпол, надеясь все же успеть перезарядить оружие. Но парой мгновений спустя левую щеку его вдруг что-то обожгло, дернулся и отчаянно заржал Огонек, а слева коротко свистнуло, и тут же послышался жуткий булькающий хрип. И только когда пороховое облако, окутавшее ряды рейтаров после залпа, чуть рассеялось, тогда до Орлова дошло, что свистят густо летящие в них стрелы. А заодно и увидел, что хрипит дружок его, Иванов Микитка, отчаянно выпучивший глаза и тянущий в сторону Семёна правую руку.

Левой же он закрыл густо кровоточащее горло, пробитое навывлет степнячкой стрелой.

Зрелище было столь пугающим и одновременно отталкивающим, что Семён невольно послал отчаянно ржущего Огонька вперед, нарушая единый строй полка. Впрочем, стоило ему обескураженно оглянуться, как Орлов тут же понял – рейтары, успевшие дать единственный залп по накатывающим на них татарам, уже на четверть выбиты густо летящими стрелами. И ведь бьют поганые навесом так, чтобы точно накрыть линию «черных всадников» Фанстробеля!

Осознав это, Семён вновь ударил пятками по конским бокам, надеясь вырваться из-под смертоносного града стрел. Плохо слушающийся, раненный срезнем мерин все же пошел вперед, а Орлов выпустил шомпол из правой руки. Перезарядить карабин не успеть, татары уже слишком близко, и приближающиеся степняки оголили клинки!

Страх, именно страх, а вовсе не храбрость, заставили Семёна послать коня вперед, а заодно и вспомнить о недавней своей покупке. Рванув из ножен трофейный польский палаш, Орлов скорее даже не закричал, а протяжно завывал от ужаса, предчувствуя скорый конец. Но ведь стоять на месте и ничего не делать, лишь ожидая приближающуюся смерть, было куда страшнее.

А еще краем сознания Семён цеплялся за горькую обиду – обиду на свой скорый бесславный конец. Неужто сгинет, так и не срубив ни одного татарина? Да не бывать тому!

Видимо, заговорила в Орлове буйная казачья кровь, спавшая в Семёне большую часть его короткой жизни.

Молодой рейтар, в своем кольчужном пансыре и легкой мисюрке и сам похожий на крымских уланов, устремился навстречу врагу, твердо решив для себя, что одного – пусть хотя бы одного! – он обязательно достанет. Но отчаянно боясь как-то неумело, неуклюже ударить,

он просто склонил клинок параллельно земле, стремительно сближаясь с летящим навстречу крымчаком. Наверное, столь же молодому татарину было так же страшно. Но он твердо держал саблю над головой, рассчитывая в последний миг послать коня чуть в сторону и достать бешеного, дико завывающего уруса кончиком елмани, рубанув под основание шеи рейтара, когда тот уже проскочит мимо.

Наверняка бы ему это удалось. Но когда татарин уже потянул поводья, посылая скакуна влево, цепко держащий его взглядом Орлов рефлексивно потянул руку с палашиком к себе, разворачиваясь в седле боком, лицом к противнику. А после инстинктивно выбросил ее навстречу крымчаку – выбросил в длинном выпаде, достав острием меча бок ворога! И обоюдосторонний польский клинок вонзился под ребра вскричавшего от боли татарина, а поржавевшая сталь окрасилась красным.

В следующий миг шею Орлика поразила пущенная в упор татарская стрела – нацеленная в живот рейтара, она все же досталась бедному мерину. Оглушительно завизжав, животное рухнуло на бок, подгребая под себя и всадника. От сильного удара затылком о земную твердь Семён Орлов потерял сознание...

Он уже не видел, как масса татарской конницы, подобно неудержимой морской волне, захлестнула заметно поредевшую цепочку рейтарского полка, задавив солдат Фанстробеля числом. В короткой, хоть и жаркой сече пал и полковник, и большинство его офицеров... Окруженные, сгнувшись в неравной сече также и дети боярские, и казаки Беспалого, и рейтары Фангалена; полковник разделил участь своих солдат.

Не было ни единого шанса у русских ратников – купились на старый, как мир, степняцкий прием ложного отступления. И попали в засаду всей крымской орды! Так, что на каждого воина было по меньшей мере пять татар...

Лишь рейтары полковника Змеева, едва-едва миновавшие гать, получили короткую передышку. Следующий впереди шквэдрон конных копейщиков упрямо ударил в лоб, пытаясь пробиться к князю Пожарскому. Пробиться-то к воеводе они еще смогли, а вот вырваться из губительного кольца татарского окружения на израненных степняцкими стрелами скакунах – уже нет... Но рейтары Змеева встретили татар уже у самой гати, не позволив себя окружить, а после начали отступать назад, отчаянно рубясь с наседающими на плечи крымчаками. Теперь уже русские всадники стали жертвой, а татары охотником, но преследовать опытных и умелых в сече рейтаров крымчаки не стали.

В конце концов, им еще предстояло добить угодивших в хитрую западню русских всадников и запорожских казаков с левого берега Днепра...

Глава 3

Тонконогий, порывистый в движениях арабский скакун нервно перебирал копытами под Петром Сергеевичем Бурмистровым, молодым всадником из числа детей боярских.

– Тихо, тихо... – успокаивающе прошептал он, поглаживая коня по шее, после чего подтянул перевязь с саблей, бестолково бьющей по ноге. Вроде уж и не первый день на царской службе – да все пока как-то нескладно... Для лета в Малой Руси было неожиданно прохладно, но набивной тягилай, поддетый под прочную гусарскую кирасу, согревал, как надежда на лучшее будущее.

– Ты, Пётр, чего задумался? – окликнул товарища боярский сын Василий Шилов.

– Да больно как-то долго от наших вестей негу. Через реку перешли – и словно сгнули... А ведь ежели они с татарами схлестнулись, так мы должны звуки боя слышать! Рейтары залпами бьют – за версту, а то и за две грохот стоит... – скакуну, как видно, передалось смятенное состояние Бурмистрова.

– Тебе о том думать не надобно. Нам что Андрей Васильевич прикажет, то и делать будем. Скажут в дозор идти – идем в дозор! Скажут рубать воров да татар, будем рубать! – последние слова Шилов произнес с жарким предвкушением грядущей сечи и ратных подвигов. В отличие от Петра, его товарищ рвался в свой первый бой и крепко надеялся на приказ воеводы Бутурлина.

Андрей Васильевич Бутурлин, более известный под прозвищем «Клепик», был человеком уважаемым и почитаемым. Немолодой уже воевода в бою не горячился, людей своих берег, побеждал врага умением и хитростью, а потому среди ратников пользовался неизменным уважением и почтением. Дед Петра застал Бутурлина еще на воеводстве в Ливнах, а отец под его началом отправился на полудень, строить новую крепость на высоком правом берегу реки Корочи.

Это было славное время, когда Московская Русь стремительным рывком продвинулась в степь на сотни верст, прикрыв огромный кусок богатого черноземом «Дикого поля» оборонительными валами, засеками, сторожами и, конечно, крепостями. Порядка десяти новых укреплений выросли на границе со степью всего за пару лет, и еще больше в последующие годы. Татары, не ожидавшие столь стремительного рывка Москвы на полудень, стройке новой засечной черты помешать не успели – да и не смогли. Ведь в ту пору крымчаки и турки безуспешно штурмовали захваченный донскими казаками Азов, приковавший к себе лучшие силы как осман, так и татар, вынужденных подчиниться султанскому приказу из Царьграда.

Да, практически стертый с лица земли Азов, основательно разрушенный турецкими осадными орудиями и тяжелыми мортирами, царь под свою руку принять не смог, и османы нынче отстроили новую, даже более мощную крепость в устье Дона. Но благодаря подвигу донцов Московское царство сумело в кратчайший срок заселить и освоить огромный кусок плодородной черноземной земли, сопоставимый размерами с не самым захудалым европейским королевством. Что позволило Руси быстро оправиться как от последствий Смуты, так и безуспешной Смоленской войны.

Правда, Корочу тогда еще молодой воевода Бутурлин достроить не успел – место, выбранное им для закладки крепости на меловой горе, сочли не самым удобным, и на следующий год уже воевода Львов поставил в Короче крепкий дубовый тын с пятью башнями, опоясанный рвом. А Андрея Васильевича сперва послали на воеводство в Кольский острог, затем в Воронеж, а затем вновь вернули в Ливны – для бережения от крымских татар. Когда же Богдан Хмельницкий поднял казачье восстание и попросился в царское подданство, Андрея Васильевича направили ему в помощь, позволив набрать служивых людей в следующий на Малую Русь полк, и Сергей Бурмистров вновь оказался под началом славного воеводы. Да только пять лет

уже прошло с тех пор, как отец Петра пал от руки ляха. Вот и вышло, что Пётр Сергеевич стал едва ли не последним представителем рода Бурмистровых по мужской линии (насколько ему самому было о том известно). Род сей был совсем небогат и не особо знатен – ибо происходил от бежавшего откуда-то из Саксонии немца еще лет триста тому назад. Но при этом никто из Бурмистровых от службы государевой не бегал и живота своего на службе той не жалел.

– Петруха, ну продай ты мне коня! – с товарищами поравнялся русоволосый богатырь в добротном, сияющем на солнце стальными пластинами бахтерце и остроконечном шеломе.

– Который раз просишь, – отмахнулся Пётр. – Ты, Алексей Григорьевич, лучше о предстоящем думай!

– А я всегда к сече готов, – улыбнулся здоровяк.

Он уже цельную седмицу докучал Петру предложением купить коня за любые деньги. Ведь в отличие от Бурмистровых, дворянский род Жуковых обладал значительным состоянием. Но Пётр и не думал продавать своего Ветерка – ведь подарок же отца, успевшего взять у ляхов жеребенка в качестве трофея. Ну, а заодно и кирасу с шишаком, да добрый карабин. Жеребенок был или чистокровным арабским скакуном, или же очень близкой к последнему помесью с местными польскими лошадьми. А может, и татарскими... Но как бы то ни было, резвый и стремительный на скаку, Ветерок оказался также необычайно выносливым скакуном и слушался только Петра, а по всему «полку» Григория Ромодановского пронесся слух, что быстрее коня не сыскать.

Впрочем, Алёшка Жуков внутренне уже смирился с тем, что продавать скакуна Пётр не собирается, и использовал сие предложение под предлогом подокучать, посмеяться или даже просто завязать разговор. Вот и сейчас, оглянувшись назад, он с гордостью сообщил:

– Красиво идем!

С этим было не поспорить, так что Бурмистров лишь согласно мотнул головой. Действительно, воины из полка князя Григория Ромодановского, следующие к броду через Куколку единой кавалерийской колонной в две с половиной тысячи всадников (за исключением высланных вперед разъездов из казаков донских да детей боярских), производят впечатление строгим порядком и равнением среди полков и шквadroнов.

Так, впереди следуют драгуны полковника Инвалта в зеленых кафтанах, с легкими тульскими карабинами. Из последних еще можно стрелять с седла, в то время как для выстрела из тяжелого немецкого мушкета уже необходимо спешиться. Драгун в большинстве своем набирают из городских да слобожанских казаков. И стрелки отменные, и в пешем строю действовать привычны, но и лошадей хорошо знают, и конному порядку обучены. Строгие и суровые лица у этих воинов – чувствуют, что будет сеча, и ждут ее хоть без страха, но и без особой радости.

А следом за солдатами полковника Инвалта неотрывно держатся десятков возцов с небольшими полевыми пушечками. Но хоть и не столь велики эти орудия, однако вблизи так шарахнут картечью, что никому мало не покажется!

В противовес драгунам – красные кафтаны да вороненые кирасы мценских рейтаров Ивана Семёновича Саса. Рейтары, ловкие и молодцеватые, гарцуют на своих лошадях, готовые в любой момент ринуться в бой. Они доказали свою полезность еще при деде Петра – Степан Бурмистров однажды поведал, что в Смуту его спас немчин из рейтаров, Севастьян. Шквadroн Ивана Саса князь Григорий Григорьевич придержал при себе, выделив Пожарскому лишь копейный шквadroн да рейтаров полковника Фангалена.

Ну и, наконец, дворяне и дети боярские Белгородского разряда, да с ними также помещная конница воеводского полка Андрея Бутурлина, в коем служат Бурмистров со товарищи. Дети боярские, как говорится, кто во что горазд, но конный строй на марше держат! Ну и потом, у большинства ратников – прочные бахтерцы да шеломы, и пистолы да карабины вместо лука и стрел. Последние, впрочем, у некоторых всадников также имеются – и даже копыя у кого-то из дворян есть. Но после огромных потерь, что русская помещная конница понесла

в годы Смуты, искусство конной стрельбы из лука стало неуклонно забываться. Ведь сколько отцов тогда выжило, чтобы передать столь непростую ратную науку своим сыновьям?! Вот то-то и оно... А стрельбе из карабинов да пистолей выучиться куда проще будет, да и бьют карабины подальше татарской стрелы.

В конной перестрелке так уж точно...

Главное же – дети боярские Белгородского разряда привычны к схваткам с татарами и при случае в бою со степняками не потеряются. Хотя боевой опыт имеется у всех полков и шквadroнов. И ведь князь Ромодановский не просто так пустил вперед именно драгун да пушкарей – последние при появлении врага должны спешиться, построиться в линию и прикрыть соратников слитными залпами. В то время как дети боярские да рейтары смогут разойтись на крылья и ударят по врагу всей силой, прижимая татар к реке. Коих, впрочем, не видать даже на переправе...

Полуденное солнце хотя и светит ярко, но не приносит тепла, зато весело играет бликами на копейных наконечниках да бронях московских ратников. Пыль за колонной всадников стоит столбом в полверсты! А глава этого грозного войска (уж по меркам Петра Бурмистрова, так точно грозного) – сам князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Воевода успел неплохо повоевать с ляхами, отличился в бою под Городком, и поговаривают даже, что дружил с покойным гетманом Хмельницким. Но дружба сия была сложной – по слухам, споры между Григорием Григорьевичем и Богданом Михайловичем едва ли до мордобоя не доходили! Что неудивительно – ведь Ромодановский крепко не любит ляхов, а во время переговоров с делегацией осажденного Львова открыто издевался над панями и оскорблял их. Если бы все зависело только от него, Ромодановский и вовсе не вел бы переговоров с поляками, ибо его ненависть и презрение к ним чрезвычайно сильны. Впрочем, неприязнь не затмевает разума воеводы, в бою князь хладнокровен и бережет своих людей, не отправляя ратников на бездумную и напрасную гибель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.